

Шестнадцать лет спустя. Гора Чицзинь.

Среди клубящихся туманов, словно серебристые искры, прорезали облака мечи, на которых стремительно неслись юноши в белых одеждах.

— Ой-ой, жжётся! Сгорю сейчас! — раздался вскрик.

Юноша лет пятнадцати, чью голову венчала золотая корона, сокрушенно затряс руками. Несмотря на благородное происхождение и привлекательные черты лица, сейчас Юэ Тинфан выглядел крайне жалко: его лицо перекосило от боли, а с пальцев поднимался тонкий чёрный дымок. Стоило ему коснуться скалы, как он чуть было не лишился рук.

Потряхивая ладонями, он предостерёг спутника:

— Уцюэ, не трогай камни голыми руками! Эта порода — сущее проклятие.

Натянув серебристые перчатки из ледяного шелкопряда, он во весь голос закричал остальным:

— Эй, братья-ученики! Не забудьте надеть перчатки! Работайте аккуратно, не хватайте камни голыми руками!

— Не суетись, сначала намажься мазью, — отозвался идущий рядом юноша. Он достал из-за пазухи флакон и с насмешкой добавил: — Выдали всего один пузырёк на всех, так что экономь. Если еще кто-то из вас окажется таким же остолопом, больше мази я из воздуха не достану.

Этот юноша, как и все здесь, был облачен в опрятную форму Двеца Тяньцзи. Его волосы были собраны в высокий узел, украшенный простой серебряной заколкой. Несмотря на скромный вид, лицо его было столь чистым и изящным, что при улыбке казалось, будто вокруг расцветают персики и сияет осенняя луна. В Дворце Тяньцзи не было недостатка в красивых учениках, и почти все они славились статной осанкой, однако этот юноша обладал редкой, почти демонической красотой, которая выбивалась из общего образа небожителей.

Все лишь вздыхали: за ангельским ликом Юй Уцюэ скрывалась душа сущая бесовёнка. Вся его жизнь состояла из четырёх страстей: гонять кур, травить собак, пугать уток и носиться за гусями. В его словаре напрочь отсутствовало слово «покой», и он умудрялся ставить на уши всю гору.

Юэ Тинфан послушно подставил руки под мазь и проворчал:

— Поменьше ворчи! Я ведь ради вас стараюсь! Ай... жжётся, не дави так сильно!

— Неженка. Разве это раны? Вот если бы тебя отходила бабушкина метёлка, ты бы знал, что такое настоящая боль. Ещё хоть раз пискнешь — буду звать тебя Юэ-красавица!

— Когда бабушка Гуань Ся лупила тебя, ты орал куда громче! А-а, Юй Уцюэ, полегче!

Спор перерос в потасовку, и двое юношей, переругиваясь, принялись ковырять жилу с духовными камнями прямо на краю обрыва. Движения их были столь шумными, что остальные ученики, опасаясь попасть под горячую руку, поспешили отлететь подальше. И только Лин Сяо, нахмурившись, решительно вклинился между ними, растащив их в стороны, как нашкодивших цыплят.

— Му Цинцзюнь тысячу раз предупреждал, что нельзя касаться камней голыми руками! Если получите ожог, то в лучшем случае останутся шрамы, а в худшем — расплавятся меридианы. Наденьте перчатки! И вообще, хватит балаганить!

Весь авторитет, подобающий старшему ученику, разбивался о его мягкий нрав и привычку читать нотации. Лин Сяо не злился: он спокойно сорвал пучок целебных трав, растущих в расщелине скалы, растер их в ладонях до состояния кашицы и смачно залепил ею раны обоим спорщикам.

— А-Сяо, ну ты и неряха, — поморщился Юй Уцюэ. — Фу, мне тоже мазать? Не хочу!

— Не пререкайся со старшими! Я старше тебя на два года, зови меня «старший брат». — Лин Сяо отвесил ему подзатыльник и добавил: — Уцюэ, веди себя прилично. Ладно руки, а если лицо об камни приложишь...

Юэ Тинфан поддел его:

— Если он испортит свою физиономию, интересно, как он потом будет выпрашивать угощения у старших сестёр?

Юй Уцюэ, подбрасывая в руке духовный камень, бесстыдно заявил:

— Даже с изъянами я останусь тем, кому все завидуют, — лицом Дворца Тяньцзи.

— Бесстыдник! Какой же ты бесстыдник!

— Эй, эй, не шумите, вы двое...

Немного попререкавшись, юноши вновь взялись за дело. До собрания Юньдянь оставалось три месяца, времени было в обрез.

Собрание Юньдянь — великое событие, которое проводилось раз в четыре года для отбора учеников для личного обучения во Дворце Тяньцзи. На церемонию съезжались представители почти всех известных даосских сект. К этому дню Дворец Тяньцзи готовил множество сокровищ и редких даров, чтобы одарить прибывших гостей.

Хотя склоны горы Чицзинь были богаты редкими минералами, добыть столько даров для такого количества людей было непросто. Поэтому, помимо тех, кто участвовал в отборе, на всех остальных возложили обязанности. Ученики из влиятельных семей занимались приёмом гостей, а те, кто, подобно Юй Уцюэ, не имел знатного происхождения и был ещё мал, выполняли тяжёлую физическую работу.

Юэ Тинфан был приёмным сыном главы Даосской обители Шанцин, и, несмотря на знатность, мог бы отдохнуть, но он был настолько неразлучен с Юй Уцюэ, что не смог оставить друга одного на каторжной работе и увязался следом.

Юэ Тинфан спросил:

— Слышал, клан Лин из Цичжи уже у подножия горы. Брат Сяо, ты разве не пойдёшь встречать своих?

— Лин Лань девица рассудительная, она уже ушла их встречать. Мне там делать нечего.

Лин Сяо, пригнувшись к пучку огненных грибов, бросил их в сумку для трав и подтолкнул Юэ Тинфана локтем:

— Моя матушка привезла много местных деликатесов из Цичжи, я приберёг по порции для каждого из вас.

Юй Уцюэ тут же оживился:

— И для меня тоже?

<http://bllate.org/book/21954/2281013>